

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

О русских и русскоязычных переводчиках

А.В. Перцев

*Уральский государственный университет им. А.М. Горького, философский факультет
620083, Екатеринбург, ул. Ленина 51*

Есть на свете люди, которые ни разу в жизни не видели родника.

Им остается только положиться на авторитетное мнение специалистов из Института лингвистических исследований Российской Академии наук. Там полагают, что родник — это «водный источник, бьющий, текущий из глубины земли»¹.

Педантичный геолог, конечно, про *глубину земли* говорить бы поостерегся — просто ограничился бы указанием на подпочвенные воды. Но остальная часть определения даже у него, геолога, возражений не вызовет. Ведь геолог на природе бывал не раз и родники видел.

Словом, *родник* — это такая вода, которая как бы *рождается* из земли. И выходит на ее поверхность, образуя *небольшую лужицу*.

Теперь поставим такой вопрос: *как в эту лужицу можно опуститься?*

Опустишься ли ты в родник, если *войдешь* в него?

Конечно, *входить в родник* никому в голову не приходит. Во-первых, вода в нем просто ледяная. Во-вторых, к родникам в народе относятся с благоговением — как к божьему дару. Над тем, кто поганит чистую воду грязными сапожищами, могут учинить самосуд.

Но даже если представить себе безумца, который забрел в родник по колено, все равно про него нельзя будет сказать, что он *опустился в родник*.

Для того, кто знает и чувствует русский язык, совершенно ясно: опуститься в родник молено, только сев в холодную лужу.

* * *

Станем рассуждать дальше.

Можно ли всерьез полагать, что Фридрих Ницше, изображая пророка Заратустру, заставлял его то и дело садиться в лужу?

© А.В. Перцев, 2008

¹ Родник // Современный толковый словарь русского языка. СПб.; Норинт, 2001. С. 705.

Как-то в это не верится. Пророк, сидящий в луже, никого бы не впечатлил. Выглядел бы он каким-то не особенно мудрым...

Но если поверить переводчику «Заратустры» Ю.М. Антоновскому, текст которого, спустя почти столетие, редактировал К.А. Свасьян, именно таким печальным образом дело и обстояло.

Ведь Заратустра у Антоновского восклицает:

«Горе мне! Куда девалось время? Не опустился ли я в глубокие родники?»¹

Выходит, была и на Заратустру проруха. Садился он в лужу, да еще и не в одну, поскольку переводчик использует слово «родники» во множественном числе.

* * *

У самого Ницше это восклицание звучит так:

«Wehe mir! Wo ist die Zeit hin? Sank ich nicht in tiefe Brunnen?»²

В любом словаре дается первый и наиболее распространенный вариант перевода слова «der Brunnen» — *колодец*. И только на юге Германии, в *народном просторечии*, так называется *родник*.

Почему же переводчик «Заратустры» выбирает не *колодец*, а *родник*?

Потому что он мыслит конкретно-технически. Как инженер, а не как поэт. Ему надо решить задачу: определить, куда опустился Заратустра? У него есть два варианта, взятые из словаря — *в глубокие родники* и *в глубокие колодцы*.

Если выбрать *глубокие колодцы*, получится *явная* несуразица. Пророку в колодцах делать нечего. Он не занимается *водоснабжением*.

Стало быть, *глубокие колодцы* для перевода не подходят. Придется выбрать *глубокие родники*. Тоже, конечно, получится несуразица, но — не такая *явная*. Может быть, кто-то даже обнаружит в этой несуразице какой-то сокрытый бытийный смысл.

* * *

Поэт мыслит совсем не так.

Слова, которые он произносит, отнюдь не указывают на конкретные предметы или технические сооружения. Они отсылают к миру образов и смыслов, которые живут в языке.

Чтобы показать, как Заратустра *впал в безвременье*, ни про какую *воду* и *сырость* говорить не нужно. Это — совсем из другой оперы. Так что ни *колодцы*, ни *родники* здесь вообще не подходят,

Забудем о них.

Посмотрим на весь образный ряд: о чем идет речь в следующей, пятой части главы? Речь идет о *могилах*, из которых к Заратустре взывают мертвые³. Они хотят, чтобы высшие люди воскресили их. Они вопрошают: «Почему так долго длится ночь?»

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 231. См. также: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Ми.: Харвест, М: АСТ. 2000. С. 279.

² Nietzsche F. Also sprach Zarathustra / Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 **Bänden**. Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Neuauflage. **München**: Deutscher Taschenbuch Verlag de Gruyter, 1999. Bd. 4. S. 398.

³ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 232.

Умереть для немца значит — «опуститься в могилу» (*ins Grab sinken*). Мертвые *опустились в могилы* — и время для них застыло. Заратустра *понимает* мертвых — и ему тоже кажется, что он опустил под землю и время застыло для него. Но, в отличие от мертвых, он может вернуться из небытия. Поэтому Заратустра не восклицает: «Sank ich nicht in tiefe Graber?» — « Не в глубоких могилах ли я?» Он восклицает: « Sank ich nicht in tiefe Brunnen?» Он не умер, он, будучи живым, *сам* проник под землю — силою своего понимания мертвых. Поэтому для перевода лучше всего подошел бы еще один вариант, который дает словарь: *der Brunnen* — *шахта, дудка*, то есть такой «колодец», который пробивают в глубь земли старатели. Но, разумеется, такая *техническая* точность в поэзии неуместна. Слово «шахта» тут же потянуло бы за собой массу ненужных ассоциаций. Для поэта важно сказать о *проникновении в царство мертвых*.

Не опустился ли я в глухие подземелья, где время замерло и исчезло?

* * *

Знаем ли мы, русские, Ницше?

Или мы знаем преимущественно его ходульные копии-симулякры, сработанные не особенно удачливыми переводчиками, которые безнадежно застряли где-то между немецким и русским языком? Кто — ближе к немецкому, кто — ближе к русскому... И — *опустились в глубокие родники!*

Даже тот нынешний российский житель, которому как-то не случилось побывать в филармонии, уже наверняка проникся сумрачной красотой музыки Рихарда Штрауса: ведь начало его опуса «Так говорил Заратустра» звучит всякий раз, когда на телеэкране появляется «Клуб знатоков». А появляется он под звуки «Заратустры» уже не одно десятилетие! Неужели же Рихарда Штрауса вдохновили на создание этой величественной музыки столь бездарные строки, какие мы находим в русском переводе «Заратустры»? Строки, за которые наверняка *вышибли бы* даже из какого-нибудь самостоятельного литобъединения при клубе котельно-радиаторного завода?

Вот они, эти жемчужины изящной словесности:

«Счастье найдено нами», — говорят последние люди, и моргают»¹.

Вообще-то, *моргают* все люди — не только последние, но даже самые что ни на есть великие. А вот *подмигивают* — со значением! — только самодовольные тупицы, которые считают себя *хитрованами*, знающими, что к чему в жизни.

«Но Заратустра оставался на месте, и прямо возле него упало тело, изодранное и разбитое, но еще не мертвое»².

Речь идет о падении канатоходца. Его тело упало *изодранное и разбитое*. От чего же, спрашивается, оно так пострадало в воздухе? Кто его там, в воздухе, бил и драл? Впрочем, даже от удара о землю тело упавшего едва ли *изодралось бы*...

Язык, на котором описывается эта картина падения несчастного канатного плясуна — это, конечно, уже не немецкий язык, но еще ни в коем случае не русский.

« ...Этот, увидев, что его соперник побеждает его, потерял голову и канат; он бросил свой шест и сам еще быстрее, чем шест, полетел вниз, как какой-то вихрь из рук и ног»³.

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

Какая же неведомая физике сила придала несчастному канатоходцу бешеное вращение — словно в экзотических фильмах про летучее каратэ?

«Пережевывая, спрашиваю я себя терпеливо, как корова: каковы же были твои десять преодолений? И каковы были те десять примирений, десять истин и десять смехов, которыми мое сердце радовало себя?»¹

Без комментариев; только *десять смехов ...*

«Сон колотит меня по глазам... Поистине, тихими шагами приходит он ко мне, лучший из воров, и похищает у меня мысли: глупый стою я тогда, как эта кафедра. Но недолго стою я так: затем я уже лежу...»²

Неужели столь безумное косноязычие, которое *колотит тихо, как вор*, всерьез притязало на то, чтобы стать пятым Евангелием?

« Кто из вас может одновременно смеяться и быть высоко?»³

Кто-кто... Да мало ли кто! Кто угодно! Летчик, к примеру. Или верхолаз. Сидит себе на заводской трубе и смеется — «Не кочегары мы, не плотники! Но сожалений горьких нет!» А если ты, переводчик, подразумеваешь что-то другое, то яснее надо выражаться! Яснее, черт тебя побери!

«Зреть, как порхают они, эти легкие вздорные ломкие душеньки — вот что пьянит Заратустру до песен и слез»⁴.

Какая-то адская смесь из поэзии В.К. Третьяковского и сентиментализма. Далее, вдобавок, выясняется: *ломкие душеньки ломки* потому, что они похожи *иг. мотыльков* и *мыльные пузыри*. Что же тут непонятного? Здесь читатель невольно вспоминает свое бо-соное детство. Маленький братец так, бывало, и говорил ему, бедняжка: «Не ломай мои мыльные пузыри!».

«Не отменяй героя в своей душе!»⁵

Этот чеканный призыв Заратустры вполне мог бы принадлежать и Козьме Пруткову; переводчика не устраивает простой вариант — «не отвергай» («*wirf nicht weg*»); он хочет выразиться по-красивше, а в результате снова позорно «опускается в родник», поскольку никак не слышит в слове *отметать поганой метлы*, которой вовсе не место *в душе*.

«...Не твое назначение быть махалкой от мух... Ты не камень, но ты стал уже впадым от множества капель. Ты будешь еще изломан и растрескаешься от множества капель»⁶.

Право, берет сомнение: да окончил ли переводчик Ю.М. Антоновский курс в гимназии? Ведь там учили, что капля не ломает, а *точит* камень — не силой, но частым падением. Правда, учили этому на латыни...

Далее и вовсе следует какое-то невнятное притязание на мужской стриптиз с последующим однополым сексом, не встречающее, впрочем, ответного энтузиазма:

«Ты не хочешь перед другом своим носить одежды? Для твоего друга должно быть чество, что ты даешь ему себя, каков ты есть? Но он за это посылает тебя к черту!»⁷

¹ Там же. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же С. 29.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 40.

Ницше ни в чем не виноват: он всего-то хотел сказать, что человек не желает *выржаться* перед другом, то есть не хочет облачаться в маскарадный костюм, который принято носить в обществе, где все скрываются *под личинами*; однако даже друг не готов к такой откровенности, видимо, почитая ее амикошонством.

Читатель наверняка уже *стал впадым* от всего этого литературного убожества, которое наверняка будет в самом скором времени переиздано в составе собрания сочинений Ницше. Он, читатель, уже чувствует себя какой-то *махалкой от мух*. И тупым, *словно кафедра*. Разумеется, та кафедра, с которой читают проповеди, а не какая-то иная...

Право же, переводчиков Ницше следует делить на *русских* и *русскоязычных*. Русскоязычные переводчики знают язык *в принципе, в общем и целом*. Они вполне могут читать и объясняться без словаря, но вот *тонкостей* и *нюансов*, увы, не улавливают. Потому что нет у них языкового чутья, подобающего русскому человеку...

Отчего-то творчество Ницше было особенно притягательным именно для «русскоязычных» переводчиков.

* * *

В современной России существуют два великих культурных мифа. Первый из них — о том, что все дореволюционные российские интеллектуалы были семи пядей во лбу и творили исключительно нетленные произведения. А затем пришел хам — и напрочь уничтожил созданную ими культуру. Второй миф исполнен веры в культурный прогресс. Он предполагает: всё, что было создано позже, гораздо лучше того, что было создано раньше.

Оба мифа реальности не соответствуют.

Были и в дореволюционной России бездари и халтурщики. Но и сегодняшние попытки превзойти культурные достижения столетней давности оказываются успешными далеко не всегда.

Обобщения здесь просто неуместны.

Каждый случай надо рассматривать в отдельности.

Чем мы, собственно, сейчас и займемся.

Положим перед собой два перевода одного и того же эссе из «Веселой науки» Ницше — «*Женщины и их действие на расстоянии*».

Один из них выполнен К.А. Свасьяном — и опубликован в двухтомнике Ф. Ницше, вышедшем в 1990 году.

Второй можно найти, если открыть седьмой том собрания сочинений Фридриха Ницше в восьми томах, изданного до революции книгопродавцем М.В. Клюкиным. Автором этого перевода является А. Николаев.

Будем читать и сравнивать.

* * *

Вот вариант К.А. Свасьяна:

Женщины и их действие на расстоянии. Есть ли у меня еще уши? Превратился ли я в слух и ни во что больше? Здесь стою я среди пожара морского прибоя, чье белое пламя лижет мои ноги, — со всех сторон доносятся до меня вой, угрозы, крики, пронзительные звуки, а тем временем в глубине глубин старый потрясатель земли тупо, словно ревуший бык, поет свою арию; он при этом отбивает ногами такой землетря-

сильный такт, что даже у этих обветренных скалистых чудищ трепещет сердце в груди. И тут, внезапно, словно из ничего, перед самыми воротами этого адского лабиринта, всего в нескольких саженьях от них, появляется — большое парусное судно, скользящее мимо, молча, как привидение. О, эта призрачная красота! Какими чарами охватывает она меня! Как? Неужели судно это загружено всем покоем и безмолвием мира? Неужели и само мое счастье занимает здесь свое тихое место, мое блаженное Я, моя вторая усопшая самость? Еще не мертвая, но и уже не живущая? Словно призрачное, тихое, созерцательное, скользящее, парящее полусущество? Подобно судну, порхающему своими белыми парусами по темному морю, как огромная бабочка! Да! Порхать *по* бытию! Вот что это! Вот чем было бы это! — Кажется, этот шум сделал меня мечтателем? Всякий большой шум заставляет нас полагать счастьем тишину и даль. Когда мужчина стоит среди *своего* шума, среди прибоя своих бросков и набросков, тогда-то и видит он, как скользят мимо него тихие очаровательные существа, счастье и замкнутость которых исполняют его тоски, — *это женщины*. Он готов уже думать, что там, в женщинах, и живет лучший он сам, что в этих уголках смолкает и самый шумный прибор и жизнь сама становится сном о жизни. Однако! Однако! Мой благородный мечтатель, даже на прекраснейшем паруснике бывает так много шума и галдежа, и, к сожалению, так много мелочного и жалкого галдежа! Волшебство и могущественнейшее воздействие женщин есть, говоря языком философов, действие на расстоянии, *actio in distans*: но сюда принадлежит сперва и прежде всего — *дистанция!*¹ .

* * *

Вот вариант А. Николаева:

«Женщины и их действие на расстоянии. — Слышу ли я? Ведь я весь обратился в слух? Вот стою я среди моря огня, белые языки которого лизут мои ноги: — отовсюду раздается вой, угрозы, крик и визг, а в далекой глубине старый бог, потрясающий землю, напевает свою арию, глухую, как рев быка, и выбивает при этом так сильно такт, содрогающий землю, что у самого проклятого чудовища дрожит в груди сердце. И вот внезапно, всего в нескольких саженьях от врат этого адского лабиринта, появляется громадное парусное судно, рожденное как бы из пустоты, и скользит бесшумно, как привидение. О, волшебная красота! Как очаровывает она меня! Как? Уж не там ли, на корабле этом собраны весь покой, все молчание нашего мира? Не там ли среди покоя и тишины находится мое счастье, мое более счастливое я, мое второе, упокоенное я, — еще не мертвое, но уже и не живое, — в виде какого-то среднего бытия, одухотворенного, спокойного, созерцающего, скользящего, парящего, уподобляясь кораблю, который со своими белыми парусами пролетает над темным морем, как громадная бабочка? Да! Пролетать над бытием! — Кажется, шум здесь обратил меня в мечтателя? Вся эта великая суматоха заставляет нас искать своего счастья в покое и уединении. И вот, когда человек стоит среди *своего* шума, он видит вдруг, что мимо него скользят спокойные, волшебные существа, счастья и одиночества которых ему так хочется для себя, — и существа эти — никто иные, как женщины. И думает он: там, у женщин, находится мое лучшее я: в этой тихой гавани шум самого страшного прибоя превращается в мертвенную тишину, а жизнь сама — в мечты о жизни. Но увы, мой благородный мечтатель, и на самом прекрасном парусном судне так много шума и суетни и суетни такой мелочной, ничтожной! Могущество и ча-

¹ Ницше Ф. Веселая наука / Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. С. 552.

ры женщин заключаются, говоря языком философов, в действии на расстоянии, *actio in distans*: и прежде всего необходимо расстояние»¹.

* * *

Для удобства сравнения представим себе переключку переводчиков, разделенных почти столетием, в виде состязания. Пусть Ф. Ницше произносит по несколько предложений, а К. Свасьян и А. Николаев тут же предлагают свои варианты их перевода.

Итак...

Раунд 1

Ницше:

Habe ich noch Ohren? Bin ich nur noch Ohr und Nichts weiter mehr?²

Свасьян: Есть ли у меня еще уши? Превратился ли я в слух и ни во что больше?

Николаев: Слышу ли я? Ведь я весь обратился в слух?

Если вся метода заключается в том, чтобы переводить одно слово за другим, строго сверяясь со словарем, а потом составлять из них предложение, то К. Свасьян действовал просто безукоризненно. Однако А. Николаев заметил, что сомнение лирического героя в наличии у него ушей звучит несколько комично. Так что засчитаем победу ему.

Раунд 2

Ницше: Hier stehe ich inmitten des Brandes der Brandung, deren weisse Flammen bis zu meinem Fusse heraufzibirgeln: — von allen Seiten heult, droht, schreit, schrillt es auf mich zu...

Свасьян: Здесь стою я среди пожара морского прибора, чье белое пламя лижет мои ноги, — со всех сторон доносятся до меня вой, угрозы, крики, пронзительные звуки...

Николаев: Вот стою я среди моря огня, белые языки которого лижут мои ноги: — отовсюду раздается вой, угрозы, крик и визг...

Ницше хотел поиграть словами: «*der Brand*» — «пожар» и «*die Brandung*»- «прибой» в немецком языке переключаются. К. Свасьян это прилежно перевел. Но А. Николаев, как видно, счел, что человеку, выросшему в космосе русской культуры, сравнение морского прибора с пожаром покажется явно надуманным. (Так же, впрочем, полагал и К. Чуковский, который написал стихи для детей про всякие веселые несурезицы — и лисички в этих стихах *подожгли море*). Поэтому *пожар прибора* А. Николаев ликвидировал. Однако в результате лирический герой у него оказался вовсе не у моря, а просто на пожаре — *среди моря огня*. Это, конечно, большой минус.

Но и К. Свасьян тоже допустил существенный промах. Он потерял пронзительный *визг* побежденных. А потому вся картина существенно изменилась.

Ведь вполне может показаться, что «вой, угрозы, крики, пронзительные звуки» издают только *хищные, агрессивные, победительные* существа. Кому же они могут угрожать и кого могут атаковать, если звуков, которые издают побеждаемые, не слышно?

¹ Ницше Ф. Веселая наука // Собр. Соч. (в 8-ми т.) Перевод со 2-го нем. изд. А. Николаева. М.: Издательство книгопродавца М.В. Клюкина. /Б.г./ С. 88.

² Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft / Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Neuauflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag de Gruyter, 1999. Bd. 3. S. 424.

Они могут угрожать только герою. А он стоит себе, глядит на море — и в ус не дует. Что — странно. (К тому же, «вой, угрозы, крики, пронзительные звуки» перечисляются через запятую, как будто вой и крики — это звуки не пронзительные!)

А. Николаев, напротив, попытался передать жестокую картину жизненной борьбы. Поэтому у него есть «вой» и «угрозы», то есть *рык* торжествующих хищников — и есть *визг* побежденных. Хищники заняты своими жертвами, до героя им дела нет. Вот он и может стоять у кромки прибоя, без помех созерцая открывающиеся ему картины. Он не участвует в жизненной борьбе, он смотрит на нее со стороны. Его мечта — подняться высоко над схваткой и обрести покой.

И «*чье*» в переводе К. Свасьяна неуместно. «*Чье*» в русском языке может относиться только к личности, к субъекту, но не к огню, который есть безличная стихия. Не говорим же мы, к примеру — «ботинок, чья подошва прохудилась». Так почему же мы должны говорить — «пожар, чье пламя лижет мои ноги»?...

Пожалуй, и в этом раунде победу с минимальным преимуществом можно отдать А. Николаеву.

Раунд 3

Ницше: ...werend in der tiefsten Tiefe der alte Erderschotterer seine Arie singt, dumpf wie ein brüllender Stier: er stampft sich dazu einen solchen Erderschotterer-Tact, dass selbst diesen verwetterten Felsunholden hier das Herz darüber im Leibe zittert.

Свасьян: ... а тем временем в глубине глубин старый потрясатель земли тупо, словно ревущий бык, поет свою арию; он при этом отбивает ногами такой землетрясильный такт, что даже у этих обветренных скалистых чудищ трепещет сердце в груди.

Николаев: ... а в далекой глубине старый бог, потрясающий землю, напевает свою арию, глухую, как рев быка, и выбивает при этом так сильно такт, содрогающий землю, что у самого проклятого чудовища дрожит в груди сердце.

Большой минус поставим А. Николаеву, придумавшему вместо «старого потрясателя земли» «старого бога», которого нет у Ницше. Этот «старый бог» сразу же вызывает множество недоуменных вопросов. *Какой именно бог потрясает землю? Почему он — старый! Есть ли новый! И так далее...* Ницше, который в той же самой «Веселой науке» устами безумца провозгласил, что *бог умер*, имел все основания не упоминать бога в эссе о женщинах и их *действии на расстоянии*.¹ Так и появился «старый потрясатель земли». Кто он там такой, этот потрясатель, прояснить Ницше не стал. Так, просто поэтический образ, ни к чему концептуальному не обязывающий...

Зато у К. Свасьяна — большие проблемы с быком. Во-первых, оказывается, что у него *бык тоже поет арию*. (Каждый, кто хотя бы раз слышал мычание быка, знает, что бык берет только одну ноту — хотя и «с подъездом». Разве же это — ария?) Во-вторых, и потрясатель земли, и бык поют свои арии *тупо*. Но можно ли петь *остро!* Или — *умно!* Представляется, что оценки умственной деятельности к пению относиться не могут. Это — несколько иное занятие.

¹ Конечно же, никто из переводчиков не истолковал *actio in distans* как *притяжение*, а ведь именно такой смысл вкладывала в эти слова современная Ницше физика, говорившая о силе притяжения небесных тел. Так что безнадежно пропала еще одна парадоксальная шутка Ницше — *чтобы притягивать, нужна дистанция — и планетам, и женщинам*.

Ну, а изобретенное К. Свасьяном слово «землетрясильный» вообще ни в какие ворота не лезет. Этот подарок русский язык, пожалуй, не примет.

Так что победа по очкам, пожалуй, опять за А. Николаевым.

Раунд 4

Ницше: Da, plötzlich, wie aus dem Nichts geboren, erscheint vor dem Thore dieses höllisches Labyrinthes, nur wenige Klafter weit entfernt,- ein grosses Segelschiff, schweigsam wie ein Gespenst dahergleitend. Oh diese gespenstische Schönheit! Mit welchem Zauber fasst sie mich an!

Свасьян: И тут, внезапно, словно из ничего, перед самыми воротами этого адского лабиринта, всего в нескольких саженях от них, появляется — большое парусное судно, скользящее мимо, молча, как привидение. О, эта призрачная красота! Какими чарами охватывает она меня!

Николаев: И вот внезапно, всего в нескольких саженях от врат этого адского лабиринта, появляется громадное парусное судно, рожденное как бы из пустоты, и скользит бесшумно, как привидение. О, волшебная красота! Как очаровывает она меня!

Здесь, пожалуй, ничья.

Плюс — А. Николаеву, потому что он исправил откровенный ляп Ницше: судно не может скользить *молча*. (Экое *молчаливое* судно!) Но плюс и К.Свасьяну: он убрал другой откровенный ляп Ницше — про *рожденное* судно. (Картину *рождения* судна нельзя представить себе без содрогания).

Раунд 5

Ницше: Wie? Hat alle Ruhe und Schweigsamkeit der Welt sich hier eingeschiff? Sitzt mein Glück selber an diesem stillen Platze, mein glücklicheres Ich, mein zweites verewigtes Selbst? Nicht todt sein und doch auch nicht mehr lebend? Als ein geisterhaftes, stilles, schauendes, gleitendes, schwebendes Mittelwesen? Dem Schiffe gleichend, welches mit seinen weissen Segeln wie ein ungeheurer Schmetterling über das dunkle Meer hinläuft! Ja! Ueber das Dasein hinlaufen! Das ist es! Das were es!- Es scheint, der Lärm hier hat mich zum Phantasten gemacht?

Свасьян: Как? Неужели судно это загружено всем покоем и безмолвием мира? Неужели и само мое счастье занимает здесь свое тихое место, мое блаженное Я, моя вторая усопшая самость? Еще не мертвая, но и уже не живущая? Словно призрачное, тихое, созерцательное, скользящее, парящее полусущество? Подобно судну, порхающему своими белыми парусами по темному морю, как огромная бабочка! Да! Порхать *по* бытию! Вот что это! Вот чем было бы это! — Кажется, этот шум сделал меня мечтателем?

Николаев: Как? Уж не там ли, на корабле этом собраны весь покой, все молчание нашего мира? Не там ли среди покоя и тишины находится мое счастье, мое более счастливое я, мое второе, упокоенное я, — еще не мертвое, но уже и не живое, — в виде какого-то среднего бытия, одухотворенного, спокойного, созерцающего, скользящего, парящего, уподобляясь кораблю, который со своими белыми парусами пролетает над темным морем, как громадная бабочка? Да! Пролетать над бытием! — Кажется, шум здесь обратил меня в мечтателя?

Безусловная победа А. Николаева — ввиду четырех откровенных промахов К. Свасьяна.

Во-первых, он *нагрузил* судно покоем и безмолвием — ни то, ни другое *веса не имеет*.

Во-вторых, он не вполне сознает, что *усопший* в русском языке означает *умерший*. Так *что усопшая самость* не может быть *еще не мертвой*.

В-третьих, он заставил судно *порхать парусами* — как видно, полагая, что бабочка *порхает крыльями*. За такие ошибки снижают оценки даже абитуриентам. И вообще: можно ли представить себе судно, которое *машет парусами* — туда-сюда, туда-сюда? Пожалуй, представить можно, если очень сильно напрячь воображение. Но будет ли такое судно двигаться?

В-четвертых, он придумал какое-то *полусущество*, пытаясь передать смысл слова Mittelwesen. Но если оно — *полусущество*, то, видимо, в той же степени — и *полу-несущество!* А. Николаев тоже справился с переводом Mittelwesen не особо удачно, говоря о некоем «среднем бытии». Но *полусущество* — это гораздо хуже...

* * *

Козни русских переводчиков Ницше неисчислимы и разнообразны. Сдается, впрочем, что они, переводчики, больше похожи не на злонамеренных западных демонов, а на русских *леших*, которые морочат человеку голову и водят его по лесу кругами без особого злого умысла. Возможно, потому, что сами толком не разбирают дороги.

Именно переводчики приучили русского читателя видеть в Ницше этакое терминатора — безжалостного сверхчеловека, который крушит все вокруг, поскольку *философствует молотом*.

В самом деле: на какие же еще мысли может навести само название работы «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом»¹? Читатель сразу же представляет себе что-то вроде вечера на острове Пасхи: солнце село — и тут вдруг появляется решительно настроенный Ницше с кувалдой, чтобы сокрушить каменных истуканов.

А что же еще, спрашивается, можно делать с *идолами* при помощи *молота*?

Только крушить. Не оставляя камня на камне.

Дальше, собственно, можно и не читать.

Уже по названию книги ясно, что Ницше — ужасный нигилист, который собирается разрушить все *до основанья*.

* * *

Ах, если бы переводчики Ницше не просто переводили бы предложение за предложением, а хотя бы иногда останавливались и задумывались над общим смыслом того, что у них получается! Если бы они соотнесли название книги с тем, что написано в предисловии!

Они бы сами поразились результатам своих трудов.

Потому что у них получается, что молот нужен Ницше вовсе не для разрушения идолов, а для того, чтобы **бить им людей по животу**.

Даже тот, кто привычно утверждает, что Ницше — *пресловутый проповедник насилия*, наверняка ужаснется, узнав об этом кошмарном замысле. Ну, проповедник

¹ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Соч. в 2-х т. М: Мысль, 1990. Т. 2. С. 556.

насилия... Но ведь не до такой же степени, чтобы по животу — кувалдой? Такого просто не может быть!

Оказывается, может. Чтобы убедиться в этом, познакомимся с дореволюционным переводом Н.Полилова. Тем более, что редактор перевода К.А. Свасьян всячески хвалит этот «прекрасный и лишь слегка отредактированный перевод»¹, напечатанный в двухтомнике трудов Ницше издательством «Мысль» в 1990 году.

Итак, читаем о планах жестокого садиста Ницше:

«Другое выздоравливание, при случае более желательное для меня, есть *выслеживание идолов...* В мире больше идолов, чем реальностей: это мой "злой взгляд" на этот мир, это также мое "злое ухо"... Тут задавать вопросы *молотом* и, быть может, услышать в ответ тот знаменитый глухой тон, который говорит о вспученных внутренностях, — какой это восторг для человека, имеющего за ушами еще уши, — для меня, старого психолога и крысолова, перед которым должно звучать то именно, что хотело бы пребывать в безмолвии...»²

Вспученные внутренности, конечно же, бывают не у какого-нибудь каменного или деревянного истукана, а только у *живого человека*. Этому бедняге и так несладко. У него скопились газы. Живот просто разбарабанило. А тут еще приходит небезызвестный человеконенавистник Ницше — и *задает ему вопросы молотом*.

Берет, знаете ли, кувалду, и — р-р-раз! Прямо по животу! С восторгом!

В ответ раздается *знаменитый глухой тон*.

Что же это за тон? О, мы не рискуем даже и предположить, чтобы не шокировать читателя...

Он, читатель, и без того напуган. Ведь монстр Ницше, вооруженный *молотом*, вдобавок имеет целых *две пары ушей*: у него «за ушами еще уши».

Картина, конечно, кошмарная.

И непонятная... При чем же тут *выслеживание идолов!* И почему Ницше, вооружившийся *молотом*, называет себя психологом? Разве бывают психологи с кувалдой?

* * *

В *прекрасном* переводе Н. Полилова, *лишь слегка отредактированном* К.А. Свасьяном, слово «*молот*» специально выделено курсивом. Это, видимо, должно означать, что никаких сомнений тут просто быть не может. Молот, именно молот — и ничего, кроме молота. Только *молотом* и нужно *задавать вопросы*.

Несколько менее жуткая картина нарисована в другом переводе, выпущенном в свет минским издательством «Харвест» и московским ООО «Издательство АСТ». (Данные о переводчице отсутствуют).

Здесь Ницше тоже берет молот — но всего лишь *постукивает* им по вздутому животу:

«Исследовать постукиванием и, быть может, услышать вместо ответа те глухие звуки, которые свидетельствуют о вздутии живота, — какой восторг для человека, об-

¹ См. примечание К.А. Свасьяна: Ницше Ф. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 796.

² Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 557.

ладающего не одной, а двумя парами ушей, для меня, старого психолога и крысолова, перед которым все желающее быть тайным становится явным»¹.

Неясно, правда, на какой именно *ответ из живота* рассчитывал Ницше, постукивая по нему молотом — и услышал *вместо этого ответа* всего лишь глухие звуки.

Но, как принято говорить в известной детской игре, уже становится теплее. Неназванный переводчик понемногу приближается к истине. Чтобы стало совсем горячо, осталось только сменить молот на какой-то другой инструмент для выстукивания живота.

На какой же?

* * *

В том же предисловии к книге, переводы которой мы цитируем, предлагается еще один способ использования *молота* — столь же, впрочем, неподходящий.

Если верить переводчикам и их редакторам, то молот Ницше хочет использовать как *камертон*. А как же! Дело привычное! Стукнешь, бывало, слегка по кувалде — и отзовется она чистым, светлым звуком.

«Я на этот раз выстукиваю молотом, как камертоном, не временные или случайные кумиры, а вечные, более древние, более самоуверенные, более вздутые кумиры... а вместе с тем и более пустые.»²

Во все том же *прекрасном* переводе Н. Полилова, который *лишь слегка отредактировал* К.А. Свасьян, этот абзац выглядит так:

«...Что же касается выслеживания идолов, то на сей раз это не временные, а *вечные* идолы, к которым я здесь прикасаюсь молотом, как камертоном, — не существует вообще более старых, более уверенных, более надутых идолов... А также более пустых...»³

Что тут остается сказать?

Идолов, вообще говоря, *выслеживать* нельзя — они стоят на месте и следов не оставляют. И от легкого *прикосновения* к идолу камертон, конечно, не зазвучит. (Тем более, если этот камертон — кувалда.) Сомнительно также, что переводчик или редактор хотя бы раз пытались *надуть* идола — ни с каменным, ни с деревянным истуканом у них бы этот номер не прошел. А резиновых идолов не бывает.

Но, если не обращать внимания на эти мелкие милые несуразности, обычные для русских переводов Ницше, картина понемногу начинает проясняться.

* * *

Ницше, будучи человеком деликатным и застенчивым, никаким молотом размахивать вовсе не собирался. Не его это был образ. Ведь пролетариата Ницше не любил — точно так же, как и профессор Преображенский. И молота — как привычного аксессуара пролетария — не любил тоже. Вот В.И. Мухина, создавшая дивную скульптурную композицию «Рабочий и колхозница» — та любила. А Ницше — нет. И, если уж говорить начистоту, не те у него, хилого и немощного, были силы, чтобы размахивать молотом.

¹ Ницше Ф. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом / О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 120-121.

² Там же. С. 121.

³ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. С. 557.

Так что книгу свою Ницше первоначально вообще хотел назвать «Праздность психолога». Никаких размахиваний молотом, как видим, отнюдь не предполагалось. Потом название Ницше решил изменить. Как сообщает в примечаниях К.А. Свасьян, это произошло «под очевидным нажимом со стороны Петера Гаста»¹. Тот нашел *нужные* слова — и написал Ницше, что его *артиллерия*, небывалая по мощи, выдвинута в книге на господствующие высоты. Ницше, должно быть, польстило такое напоминание о его недолгой службе в конной артиллерии. Но, даже выбирая под нажимом П.Гаста новое, более *энергичное* название для книги, он вовсе не собирался превращать его в какой-то залихватский боевой клич.

Он продолжал придерживаться того образа, который уже нашел для себя — образа *врача*.

Ницше собирался философствовать с молоточком в руках.

* * *

Переводчики морочат голову себе и читателям именно потому, что не *вчитываются* в текст, а ищут в нем подтверждения своим собственным, заранее сформированным представлениям о Ницше. Потому они ищут в словаре только то, что хотят найти. Ницше — нигилист? Нигилист. Значит, он должен все разрушать. Чем лучше всего разрушать? Молотом. Открываем словарь — вот, пожалуйста, «*der Hammer*» — «молот». И переводчики легко довольствуются этим, самым первым значением слова — видимо потому, что привыкли думать: в великой России всё должно быть большое.

Но если не спешить, то можно найти в словаре и другие значения слова *der Hammer* — «молоток» и даже «молоточек»². Например, молоточек аукциониста, ударом которого он отмечает заключение сделки. И даже совсем-совсем малюсенький «молоточек», который анатомы обнаружили во внутреннем ухе человека.

Так что слово «*der Hammer*» действительно обозначает молоток, но вовсе не указывает на его размеры.

Это может быть и молоточек врача.

Ницше, страдавший от болей в желудке, наверняка подвергался *перкуссии*. Так называется «метод исследования сердца, легких и других внутренних органов, основанный на том, что звук, возникающий при выстукивании здоровых и пораженных тканей, различен»³.) Метод перкуссии — *выстукивания* больного — был впервые предложен в 1761 году венским врачом Леопольдом фон Ауэрбрюггером (1722-1809), а затем усовершенствован другим венским медиком — Йозефом Шкодой (1805-1881). Нынешние медики, правда, выстукивают больного руками. Применяли ли молоточек последователи Ауэрбрюггера и Шкоды, врачуя Ницше, мы не знаем. Но точно знаем другое: врач, выстукивающий больного в поисках *нездоровых вздутий*, показался Ницше похожим на геолога, который простукивает своим молотком скалу — в поисках *скрытых пустот*. И Ницше решил, что два этих образа удастся соединить в один — чтобы объяснить, как следует распознавать идолов.

Можно, подобно геологу, простучать каменного идола — и определить, что он — *пустой внутри*. Можно, подобно врачу, подвергнуть перкуссии человека — и обнаружить его *нездоровую надутость*.

¹ См. примечание К.А. Свасьяна: Ницше Ф. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 795.

² Большой немецко-русский словарь. В 2-х т. М.: Издательство «Русский язык», 1980. Т. I. С. 592.

³ Перкуссия // Большой энциклопедический словарь. В 2-х т. М: Советская энциклопедия. 1991. Т. 2. С. 133.

Именно так он, Ницше, и собирался поступать и с людьми, которые превратились в идолов, и с окаменевшими «культурными ценностями». Он намеревался выступиванием выявлять их *внутреннюю пустоту и надутость*. И такая *философско-психологическая перкуссия* будет осуществляться с помощью особого виртуального молоточка Ницше — *великого психолога и врача человечества*.

Ницше хотел сказать, что идолы толпы только кажутся величественными и цельными фигурами. На самом же деле они — *надутые и пустые* внутри. Этого, конечно, *не видно*. Но, если обладать *особым умением слушать*, которому легко учат на медицинских факультетах (а вовсе не второй парой ушей!), то внутреннюю пустоту идолов вполне можно распознать.

Но столь сложный образ Ницше так и не смог *довести до ума* — именно из-за его неоднозначности.

Ему хотелось сказать, что идолы толпы — *пустые и надутые*. Но концы с концами никак не сходились. Каменные идолы могут быть *пустыми внутри*, но не *надутыми*. Живые люди-идолы, в свою очередь, могут быть *надутыми*, словно вспученный живот. Но ни один врач *пустым* такой живот, конечно, не назовет.

Так что свести два образа в один Ницше так и не удалось, как он ни старался. Он даже попытался добавить к молоточку врача и к молотку геолога еще один образ, столь привычный ему, музыканту — *камертон*. Но это ничуть не помогло, а только вконец запутало дело. Переводчики же и вовсе *сбились с толку*.

* * *

Поставим теперь вопрос: какое из двух русских названий книги «*Giftzen-Dämmerung, oder Wie man mit dem Hammer philosophiert*» лучше?

«*Сумерки идолов, или Как философствуют молотом?*»¹

«*Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом?*»²

Оба — хуже.

Во-первых, потому, что ни о каком **молоте** у Ницше не говорится.

Во-вторых, потому, что словосочетания «Сумерки идолов» и «Сумерки кумиров» ни о чем читателю не говорят. Они ни на что не намекают, не вызывают никаких ассоциаций, не отсылают ни к каким культурным и биографическим смыслам, столь важным для Ницше.

Книга Ницше написана против Вагнера.

Можно ли хоть как-то догадаться об этом по ее русскому названию — «Сумерки кумиров»? Или — «Сумерки идолов»?

Эти названия представляют собой буквальный перевод *Giftzen-Dämmerung*. Но не стоит ли отойти от такого буквального перевода, чтобы указать на культурный и биографический контекст? На важную игру слов и тонкость намеков?

* * *

Одна из музыкальных драм Вагнера называлась «*Götterdämmerung*» — в привычном русском переводе «*Гибель богов*». Точнее, наверное, было бы говорить о *закате богов, об уходе богов в царство мрака*. Но, видимо, такое название для спектакля

¹ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. С. 556.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. С. 119.

сочли чересчур длинным и чересчур непонятым для русского человека. И теперь музыкальная драма Вагнера известна в России именно под названием «Гибель богов». С чем, конечно, любой переводчик должен считаться.

Ницше, порывая с Вагнером, превратил его *Götterdämmerung* в издевательское *Götzen-Dämmerung* — в «*Гибель божков*».

ЭТО ДОЛЖНО было означать, что *боги* на поверку оказались всего лишь *божками*. Вагнер, которого Ницше боготворил в молодости, оказался всего лишь *кумиром* толпы, *идолом*, которому она слепо поклоняется.

Именно этого идола Ницше и подверг *философско-психологической перкуссии* в первую очередь. Выстукал его своим виртуальным молоточком врача — и обнаружил *нездоровую надутость при полной внутренней пустоте*.

Но одним Вагнером дело не ограничилось.

Обследовав его и поставив диагноз, Ницше принялся за остальных идолов современности. А затем перешел к выстукиванию всего того, чему поклонялись люди в прошлом.

Так, может быть, название книги лучше переводить так:

«*Гибель божков, или Как философствуют с молоточком в руках?*»

* * *

«Мы, филологи» — так однажды сказал Ницше, относя себя к этому гордому племени.

Но есть ли право повторить эти слова у многих, очень многих переводчиков Ницше? Именно они, филологи-любители, взявшиеся на досуге переводить Ницше, во многом подготовили почву для превращения его в идеологическое пугало. Ведь одно дело — *любить борьбу*, и совсем другое дело — *любить войну*. И то, и другое может обозначаться одним немецким словом. Как его переведешь, таким и окажется смысл.

Даже тогда, когда Ницше употребляет слово *война*, стоит проверить, не выражается ли он *фигурально*. Настоящие воины не любят называть войну войной. Во времена Ницше в российской армии ее называли *делом*. И только люди, к настоящей войне не способные, очень любят воинственные выражения. Именно они превратили *полемику*, которая означала у древних греков кровавую схватку вплоть до уничтожения противника, в абсолютно безопасное занятие — в ненасильственный научный спор, в котором даже нельзя выдвигать аргументы против личности. Когда Ницше заявляет, что он *скрестил шпаги* с Вагнером, это всего лишь означает, что он послал кумиру своей молодости книгу, а в ответ получил экземпляр текста «Парсифаля». *Война для Ницше — это полемика, а полемика — это война*, И переводчик каждый раз должен сверяться с контекстом.

Один смысл имеет призыв «*Урони то, что шатается*»). (Это, кстати, первейшее требование техники безопасности). Немножко иной, но всё же иной — «*Подтолкни падающее*»). И уже совсем другой — «*Толкни падающего*»).

Дьявол — как раз в деталях. И переводчик, плохо владеющий русским языком, невольно способствует его козням.

Того, кто наивно считает, что перевод — наука менее точная, чем сопромат, к переводу нельзя подпускать на пушечный выстрел.